

К.К. Рокоссовский

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Константин Рокоссовский
Солдатский долг

«ВЕЧЕ»

2013

Рокоссовский К. К.

Солдатский долг / К. К. Рокоссовский — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-8016-4

На долю Константина Рокоссовского выпало немало испытаний. Он участвовал в трех войнах – Первой мировой, Гражданской, Второй мировой и в военном конфликте на КВЖД, пострадал от сталинских репрессий, был ранен в бою, на него покушались враги. Воспоминания К.К. Рокоссовского рассказывают нам об удивительной судьбе Маршала Советского Союза и Польши. В центре повествования – Великая Отечественная война. На страницах книги автор последовательно восстанавливает обстоятельства важнейших и кровопролитнейших сражений войны. Простым и ясным языком маршал излагает историю своей жизни, дав ей красочное название – «Солдатский долг».

ISBN 978-5-4484-8016-4

© Рокоссовский К. К., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Завтра – война	6
Бои начались	14
На Ярцевских высотах	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Константин Константинович Рокоссовский

Солдатский долг

© Рокоссовский К.К., наследники, 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Завтра – война

Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи. После этого был приглашен к Народному комиссару обороны маршалу С.К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня.

Вспомнилось мне начало 30-х годов – 3-й кавалерийский корпус, которым тогда командовал С.К. Тимошенко и где я был командиром 7-й Самарской имени английского пролетариата кавдивизии. Комкор у всех нас, конников, пользовался уважением. Больше того – любовью. И на высоком посту наркома он сохранил ту же простоту в обращении и товарищескую доступность.

Семен Константинович предложил мне снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом (в этой должности я служил еще в 1936–1937 годах). Корпус переводился на Украину, был еще в пути, и нарком пока направил меня в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г.К. Жукова. Я должен был помочь в проверке войск, готовившихся к освободительному походу в Бессарабию. В моем присутствии нарком сообщил об этом по телефону командующему округом.

Я был включен в группу генералов, работавших под руководством командующего войсками округа. Мы все время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом.

Опыт, приобретенный в дни освободительного похода, был очень полезен. Мы, командиры, старались опираться на него, организуя боевую подготовку войск.

Конец 40-го года ознаменовался для меня новым назначением. Я стал командиром 9-го механизированного корпуса, который еще предстояло сформировать. Это было полной неожиданностью. Ведь я провел в коннице двадцать семь лет. Начал службу в 5-м Каргопольском драгунском полку старой русской армии в августе 1914 года. Пробыл в кавалерии всю Первую мировую войну. После октября 1917 года – опять в коннице, в рядах Красной Армии.

Словом, я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь прошел хорошую школу – и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку от командира эскадрона до командира корпуса. Работал уверенно, чему способствовало то, что хорошо понимал своеобразный характер командиров-кавалеристов.

Переход на службу в новый род войск, естественно, вызвал опасение: справлюсь ли с задачами комкора в механизированных войсках? Но воодушевляли оказанное доверие и давний интерес к бронетанковым соединениям, перед которыми открывались богатые перспективы. Все, вместе взятое, придало мне бодрости, и, следуя поговорке, что «не боги горшки обжигают», я со всей энергией принялся за новое дело, понимая, что формировать корпус придется форсированными темпами.

Нужно сказать, что уже в Первую мировую войну конница стала терять свое былое значение. Появились на театре военных действий массовые армии, насыщенные автоматическим оружием (пулеметы), скорострельной артиллерией, танками и авиацией. Образовались сплошные фронты. Войска, зарывшиеся в землю и огородившиеся колючей проволокой, исключали успешные действия кавалерии в конном строю. Конница наряду с пехотой была посажена в окопы, конь стал преимущественно средством передвижения. Гражданская война в России воскресила ненадолго роль конницы. Это определялось особыми обстоятельствами, в первую очередь тем, что на полях сражений не было сплошных фронтов. Конница, как наиболее подвижный в то время род войск, приобрела тогда большое значение. Этому способствовали сравнительно еще богатые в стране ресурсы конского поголовья. Сказывалось и наличие старых

кавалерийских кадров. Брошенный Коммунистической партией клич «Пролетарий, на коня!» быстро осуществился, и красная кавалерия сказала своё веское слово в разгроме внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

Годы шли. Народ претворял в жизнь лозунг партии – догнать передовые капиталистические страны в развитии современной промышленности. Пятилетки создавали возможность оснащать армию более совершенным вооружением. Развивалась и военная мысль. Наша военная наука далеко шагнула вперед по сравнению с военной наукой крупных капиталистических государств. Тогда на Западе были в ходу такие теории, как теории Дуэ и Фуллера. В одном случае превозносилась роль авиации, способной будто бы самостоятельно решить исход войны, в другом – возможности танковых войск. У нас же и танкам, и авиации, и артиллерии, и пехоте отводилось свое место, а в целом в основу подготовки Вооруженных Сил было положено взаимодействие всех родов войск, нашедшее выражение в теории глубокого боя, разработка которой связана с именами М.Н. Тухачевского, В.К. Триандафиллова и других.

Были, конечно, ярые конники, сохранявшие еще увлечение кавалерией, но не они делали погоду. Формирование бронетанковых соединений началось как раз за счет некоторого сокращения конницы.

И уже во второй половине 30-х годов наши Вооруженные Силы имели значительное количество сформированных и сколоченных механизированных корпусов оперативного назначения.

Организационная структура Красной Армии и боевая готовность войск полностью соответствовали задачам, стоявшим перед армией социалистического государства. На должной высоте находилась и подготовка командного состава во всех звеньях. Основная масса командиров и политработников имела к тому же боевой опыт, приобретенный в Первой мировой и Гражданской войнах. Наши Вооруженные Силы способны были нанести сокрушительный удар по любому врагу, рискнувшему напасть на Советскую Родину.

Правда, в конце 30-х годов были допущены серьезные промахи. Пострадали и наши военные кадры, что не могло не отразиться на организации и подготовке войск.

Нападение фашистской Германии на Польшу и молниеносный разгром ее вооруженных сил, несмотря на мужество большинства солдат и офицеров, и еще более трагический исход военных действий во Франции подтвердили, каким преимуществом обладала Германия, создавшая мощные бронетанковые и моторизованные войска, а также сильную авиацию.

С этого момента у нас возобновилось интенсивное формирование механизированных корпусов. Радостно было сознавать, что наконец восторжествовали правильные взгляды и снова у нас организуются столь необходимые для обороны и победы в современной войне крупные танковые и механизированные соединения. В разгар этих организационных мероприятий дошла очередь и до меня.

Итак, распрощавшись с кавалерией, я стал танкистом.

9-й мехкорпус состоял из трех дивизий. Это были 131-я моторизованная дивизия под командованием полковника Н.В. Калинина, 35-я танковая дивизия генерал-майора Н.А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М.Е. Катуков (оговорюсь, что из-за болезни командира в первые дни войны 20-ю водил в бои его заместитель полковник В.М. Черняев).

Наш корпус находился в непосредственном подчинении командования Киевского Особого военного округа.

Одна мысль руководила нами: чем быстрее приведем корпус в боевую готовность, тем лучше выполним свой долг перед народом и партией. Уже в процессе формирования развернули всестороннюю боевую подготовку подразделений, частей и всего соединения в целом. Ведь большую часть людей, прибывших на укомплектование, приходилось обучать начиная с азов. Мне, как комкору, посчастливилось в том отношении, что ближайшие мои помощники

были образованными и самоотверженными людьми. Они умели учить бойцов и командиров тому, что потребуется на войне. Среди них прежде всего хочется выделить начальника штаба тридцатидевятилетнего генерал-майора Алексея Гавриловича Маслова. Он был, как говорилось тогда, «академиком» (то есть закончил Академию имени М.В. Фрунзе), штаб корпуса держал хорошо и всецело отдался подготовке нижестоящих штабов, дисциплинируя их работников и приучая к самостоятельности мышления. Мне нравился его стиль – требовательность и чуткость к мысли и инициативе подчиненных, органическая потребность личного общения с войсками. Большую помощь в подготовке корпуса к грядущим испытаниям оказывали мне также заместитель по технической части полковник Внуков и замполит товарищ Каменев.

Время не ждало. Фашистская Германия, опьяненная своими успехами на Западе, приступила к операциям на Балканах, покоряя одну страну за другой. Все мы, военные, чувствовали, что приближается момент, когда и наша страна – хотим мы того или нет – будет втянута в водоворот разбушевавшейся войны.

Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно нападет на нас. Но договор давал нам возможность выиграть время для укрепления нашей обороны и лишал империалистов надежды создать единый антисоветский фронт.

Сколько эта «оттяжка» продлится, в нашем корпусном масштабе знать было не дано. Однако времени мы не теряли. В первую очередь сосредоточили свое внимание на подготовке командиров и штабов. Проводились командно-штабные выходы в поле со средствами связи и обозначенными войсками, военные игры на картах и полевые поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай внезапной войны. Обязали всех офицеров обеспечивать повседневную боевую готовность подразделений и частей, не дожидаясь полного укомплектования.

Мне, как увидит читатель, недолго пришлось командовать 9-м мехкорпусом в период войны, но я храню в душе признательность его офицерам за то, что они поняли своего командира, глубоко осознали, насколько необходимы были все наши мероприятия, продиктованные пониманием неизбежности близкой войны. То, что было сделано в те дни, не прошло бесследно, и мы это почувствовали в июне 41-го. Я не зря старался воспитывать у командного состава прежде всего самостоятельность, решительность и смелость. Только командир, обладающий такими качествами, мог быть на высоте требований, предъявляемых боем.

Этого мы добивались изо дня в день, с верой в силы людей. И коллектив офицеров корпуса отвечал инициативной, самостоятельной работой. Была создана атмосфера высокой бдительности. Мне было известно, что и в других корпусах с тревогой и озабоченностью готовились ко всяким неожиданностям.

В мае 1941 года новый командующий Киевским Особым военным округом М.П. Кирпоснос провел полевую поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель.

В дни полевой поездки я ознакомился с приграничной местностью на направлении вероятных действий корпуса и на других участках. Строительство укрепленного района только развешивалось.

Я не касался тогда и не касаюсь сейчас проблем большой политики, а рассуждаю как командир, накопивший к 1941 году практический боевой опыт и знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии.

Даже по тем скудным материалам, которые мне удавалось получить из различных источников, можно было сделать некоторые выводы из действий немецких войск в Польше и во Франции. Немцы заимствовали некоторые положения теории глубокого боя. В наступательных операциях ведущую роль они отводили танковым, моторизованным соединениям и бомбардировочной авиации; сосредоточивали все силы в один кулак, чтобы разгромить противника в

короткие сроки; наносили удары мощными клиньями, ведя наступление высокими темпами по сходящимся направлениям. Особое значение они придавали внезапности.

Именно поэтому мы старались держать порох сухим.

Невольно вспоминалась мне служба в Приморье и в Забайкалье в 1921–1935 годах. При малейшей активности соседа или в случае передвижения его частей по ту сторону границы наши войска всегда были готовы дать достойный отпор. Все соединения и части, находившиеся в приграничной зоне, были в постоянной боевой готовности, определяемой часами. Имелся четко разработанный план прикрытия и развертывания главных сил; он менялся в соответствии с переменами в общей обстановке на данном театре.

В Киевском Особом военном округе этого, на мой взгляд, не доставало.

Еще во время окружной полевой поездки я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И.И. Федюнинский, С.М. Кондрусев, Ф.В. Камков (командиры стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией. Однажды заночевал в Ковеле у Ивана Ивановича Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились с И.И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений, еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой.

Делалось все, что было в пределах наших сил и прав, начиная с систематического наблюдения за разработкой мобилизационных документов. В частности, проверили народнохозяйственный автотранспорт, приписанный к корпусу. К сожалению, в гражданских организациях этому вопросу не уделяли должного внимания. (Скажу сразу: в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся с 22 июня в приграничной зоне, 9-й мехкорпус не получил ни одной машины из приписанных по плану мобилизации; она, кстати, была объявлена уже в момент выступления корпуса в боевой поход.)

И самое тревожное обстоятельство – истек май, в разгаре июнь, а мы не получили боевую материальную часть. Учебная техника была на износе, моторы доживали свой срок. Пришлось мне ограничить использование танков для учебных целей из опасения, что мы, танкисты, окажемся на войне вообще без каких бы то ни было танков.

21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сообщили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз.

Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили все держать наготове...

* * *

Являясь участником Первой мировой от ее начала и до конца, а также Гражданской войны и Октябрьской социалистической революции, я приобрел богатый практический боевой опыт. Познал, что такое война в полном смысле этого слова. Прилагая много усилий к изучению военного дела, получил достаточно глубокие знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии. С юношеских лет увлекался военно-исторической литературой,

отображавшей развитие военного искусства, начиная с походов Александра Македонского и римских полководцев и т. п.

Служба в Красной Армии, в войсках, располагавшихся в приграничных районах, мно- гому меня научила. Во всяком случае, имел полное представление обо всех мероприятиях, проводимых в войсках, в задачу которых входило обеспечение (прикрытие) развертывания главных сил на случай войны. Боевая готовность этих войск всегда определялась не днями, а часами.

Для приграничных районов существовал и особый режим, ограничивавший посещение этих районов не проживавшими здесь лицами.

В приграничном районе КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через гра- ницу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза. Правда, для прохождения через границу были определены пропускные пункты, но передвижение в пригра- ничной полосе таило в себе много неприятностей для нас.

В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и эксгумацию захороненных якобы здесь немецких военнослужащих.

Нередки были случаи пролетов немецких самолетов. Стрелять по ним было категориче- ски воспрещено. Характерным был случай, происшедший во время полевой поездки. В рай- оне Ровно произвел вынужденную посадку немецкий самолет, который был задержан распо- лагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолете оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и желез- нодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всем этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребите- лей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев.

Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в операциях в Польше и во Франции, я не мог разобраться, каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев.

Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению скла- дов центрального значения в прифронтной полосе, это походило на подготовку прыжка впе- ред, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали.

Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей гра- ницы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО, никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности про- должала господствовать в войсках округа...

Стало известно о том, что штаб КОВО начал передислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен еще раз повторить, царило какое-то затишье и никакой информации не поступало сверху. Наша печать и радио передавали тоже только успокаивающие сообщения.

Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложив- шейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны.

Около четырех часов утра 22 июня дежурным по штабу мне была вручена телефоно- грамма из штаба 5-й армии с распоряжением о вскрытии особо секретного оперативного пакета, хранившегося в штабе корпуса. В пакете имелась директива, в которой указывалось о

немедленном приведении корпуса в боевую готовность и выступлении в направлении Ровно, Луцк и далее.

К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать как штаб КОВО, так и Генеральный штаб.

Неясность обстановки заставила нас в соответствии с положением о походном движении в предвидении возможной встречи с противником организовать разведку и охранение. Вызывало недоумение то обстоятельство, что в воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации, в то время как немецкая появлялась довольно часто. Преимущественно это были бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте и без сопровождения истребителей.

О причинах этого мы вскоре узнали при виде разбитых и сожженных немецкой авиацией наших самолетов, так неразумно сосредоточенных на аэродромах, расположенных в приграничной полосе.

Совершив в первый день 50-километровый переход, основная часть корпуса, представлявшая собой пехоту, выбилась совершенно из сил и потеряла всякую боеспособность. Нами не было учтено то обстоятельство, что пехота, лишенная какого бы то ни было транспорта, вынуждена на себе нести помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50-мм и 82-мм минометы и боеприпасы. Это обстоятельство вынудило сократить переходы для пехоты до 30–35 км, что повлекло за собой замедление и выдвигание вперед 35-й и 20-й так называемых танковых дивизий.

Мотострелковая дивизия, имевшая возможность принять свою пехоту, хотя и с большой перегрузкой, на автотранспорт и танки, следовала нормально к месту назначения, к исходу дня, оторвавшись на 50 км вперед, достигла района Ровно.

Учитывая это, мы решили со штабом корпуса выдвинуться вперед на направление движения 35 тд, с тем чтобы проследить переправу последней через реку Горынь южнее Ровно. Начальник штаба генерал-майор А.Г. Маслов отдал распоряжение о подготовке командного пункта, для чего вперед выслал взвод саперов на машинах.

Прихватив с собой батарею 85-мм пушек, предназначавшуюся для противотанковой обороны, двинулись вперед к месту предполагаемого расположения КП. Дорога пролежала через огромный массив буйно разросшихся хлебов, достигавших высотой роста человека. И вот мы стали замечать, как то в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночки, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие – в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружилось два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП.

Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танков, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться прорваться к своим войскам.

Ну а их маскарад объяснялся просто. Те, кто сумел обменять у местного населения обмундирование на штатскую одежду, облачились в нее, кому это не удалось, остались в одном нательном белье. Страх одолел здравый смысл, так как примитивная хитрость не спасала от плена, ведь белье имело на себе воинские метки, а враг был не настолько наивен, чтобы не заметить их. Впоследствии мы видели трупы расстрелянных именно в таком виде – в белье.

Воспевая героическое поведение и подвиги войск, частей и отдельных лиц в боях с врагом, носившие массовый характер, нельзя обойти молчанием и имевшиеся случаи паники, позорного бегства, дезертирства с поля боя и в пути следования к фронту, членовредительства и даже самоубийств на почве боязни ответственности за свое поведение в бою.

Нанесенный врагом неожиданный удар огромными силами и его стремительное продвижение в глубь территории на некоторое время ошеломили наши неподготовленные к этому войска. Они подверглись шоку. Чтобы вывести их из этого состояния, потребовалось длительное время. Растерянности способствовали еще причины военного и политического характера, относившиеся ко времени, отдаленному от начала войны.

Совокупность важных причин и обстоятельств в определенной степени понизила боевую способность войск в моральном отношении, на какой-то период ослабила их устойчивость и упорство, вывела из равновесия особенно те части, которые вступали в бой неорганизованно. А иные неустойчивые элементы совершенно потеряли веру в свои силы, в возможность сопротивления грозному врагу.

Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков и авиации, подвергались панике... Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом. И только там, где были крепкие кадры командного и политического состава, люди в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу организованный отпор.

Нужно сказать и о том, что местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД, командиров и т. п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике. Этим стали пользоваться малодушные люди в войсках.

Как пример приведу случай, имевший место на участке, занимаемом корпусом. На КП корпуса днем был доставлен генерал без оружия, в растерзанном кителе, измученный и выбившийся из сил, который рассказал, что, следуя по заданию штаба фронта в штаб 5-й армии для выяснения обстановки, увидел западнее Ровно стремглав мчавшиеся на восток одна за другой автомашины с нашими бойцами. Словом, генерал уловил панику и, чтобы узнать причину, породившую ее, решил задержать одну из машин. В конце концов это ему удалось. В машине оказалось до 20 человек. Вместо ответов на вопросы, куда они бегут и какой они части, генерала втащили в кузов и хором стали допрашивать. Затем, недолго думая, объявили переодетым диверсантом, отобрали документы и оружие и тут же вынесли смертный приговор. Изловчившись, генерал выпрыгнул на ходу, скатился с дороги в густую рожь. Лесом добрался до нашего КП.

Случаи обстрела лиц, пытавшихся задержать паникеров, имели место и на других участках. Бегущие с фронта поступали так, видимо, из боязни, чтобы их не вернули обратно. Сами же они объясняли свое поведение различными причинами: их части погибли и они остались одни; вырвавшись из окружения, были атакованы высадившимися в тылу парашютистами; не доезжая до части, были обстреляны в лесу «кукушками» и т. п.

Весьма характерен случай самоубийства офицера одного из полков 20 тд. В память врезались слова его посмертной записки. «Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, – извещало в ней, – вынудило меня к самоубийству».

Случаи малодушия и неустойчивости принимали различные формы. То, что они приобрели не единичный характер, беспокоило командный и политический состав, партийные и комсомольские организации, вынуждало принимать экстренные меры для предотвращения этих явлений.

Для розыска и установления связи с 19 и 22 мк, части которых должны находиться где-то впереди или в стороне от нас, были разосланы разведгруппы, возглавляемые офицерами штаба корпуса, в нескольких направлениях. С одной из таких групп выехал начальник штаба корпуса. Возвратившись, он доложил, что ему удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта генералом М.А. Пуркаевым. Никакой информации о положении на фронте сообщено не было, из чего следовало, что начштаба фронта сам, по-видимому, на то время ничего не знал. Это и понятно, поскольку связь с войсками была нарушена противником с первого часа нападения. Для разрушения проводной связи он применял мелкие авиабомбы, имевшие приспособление в виде крестовины на стержне. Задевая провода, они мгновенно взрывались. «Бомбочки» пачками сбрасывались с самолетов. Кроме того, провода разрушались и диверсантами, подготовленными для этой цели, возможно, еще до начала войны.

Продолжая движение в район сосредоточения, мы неоднократно наблюдали бомбежку немецкими самолетами двигавшихся по шоссе Луцк – Ровно колонн как войсковых частей, так и гражданского населения, эвакуировавшегося на восток. Беспорядочное движение мчавшихся поодиночке и группами машин больше напоминало паническое бегство, чем организованную эвакуацию. Неоднократно приходилось посылать наряды для наведения порядка и задержания военнослужащих, пытавшихся под разными предлогами (необоснованными) уйти подальше от фронта.

Бои начались

Около четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет.

Сделать это мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или Народного комиссара обороны. А в телефонограмме стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штаба. Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника особого отдела, чтобы посоветоваться, как поступить в данном случае.

Вскоре дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк.

Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. В четыре часа приказал объявить боевую тревогу, командирам дивизий Н.А. Новикову, Н.В. Калинин и В.М. Черняеву прибыть на мой КП.

Пока войска стягивались на исходное положение, комдивам были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления. Штаб корпуса готовил общий приказ.

Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Соппротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день.

А.Г. Маслов с утра добивался связи с вышестоящим командованием. Лишь к десяти часам каким-то путем он на несколько минут получил Луцк. Один из работников штаба армии торопливо сказал, что город вторично подвергается бомбежке, связь все время рвется, положение на фронте ему неизвестно.

Почти к этому же времени удалось получить сведения, что Киев бомбили немцы. И тут же связь опять нарушилась.

С командованием округа, которому мы непосредственно подчинялись, связаться никак не могли. От него за весь день 22 июня – никаких распоряжений.

Около одиннадцати часов над нами на большой высоте прошло до двадцати немецких бомбардировщиков. Зенитная артиллерия обстреляла их.

Это еще раз убедило меня в том, что действую правильно, и я все внимание сосредоточил на подготовке войск.

Горючее, боеприпасы, обеспечение порядка в самом городе, охрана воинского имущества, остающегося после ухода войск, забота о семьях комсостава, проверка готовности частей, митинги личного состава – все нужно было успеть сделать в считанные часы. И вместе с тем я уже думал о боях. За долгие годы службы я хорошо узнал, что такое война, и поэтому меня больше всего беспокоило, как встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат.

Вот деталь, по которой читатель – представитель нового поколения, – возможно, поймет ход мыслей комкора в первый день так неожиданно начавшейся войны. Выступая в поход по тревоге, я запретил выдавать командирам и сержантам защитного цвета петлицы и знаки различия. Командир должен резко выделяться в боевых порядках. Солдаты должны его видеть. И сам он должен чувствовать, что за его поведением следят, равняются по нему.

В четырнадцать часов 22 июня корпус выступил по трем маршрутам в общем направлении Новоград-Волынский, Ровно, Луцк. Справа по автостраде следовала одной колонной 131-я моторизованная дивизия. Ее вел полковник Н.В. Калинин, хороший боевой командир, из бывших кавалеристов. По расчету времени эта дивизия выдвигалась значительно вперед. Калинин сумел, правда с большой перегрузкой, усадить свою пехоту на автомашины и танки. Немного грузовиков мы смогли ему подбросить в последний момент.

В центре уступом назад шла 35-я танковая дивизия генерал-майора Н.А. Новикова, опытного танкиста, а левее – 20-я танковая дивизия. Организовали разведку и охранение.

В воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации. Немецкие самолеты появлялись довольно часто, это были преимущественно бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте, почему-то без сопровождения истребителей.

Мы вскоре узнали, в чем дело, увидев наши разбитые и сожженные самолеты, так непредусмотрительно сосредоточенные на аэродромах приграничной полосы.

К началу войны 9-й мехкорпус был укомплектован личным составом почти полностью. Не хватало еще вооружения, и обучение людей не было завершено. Но в сложившейся обстановке воевать с этим составом было можно.

Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. Не говорю уже о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. Пехота обеих танковых дивизий машин не имела, а поскольку она значилась моторизованной, не было у нее ни повозок, ни коней.

Но, несмотря на трудности, мы сделали все, чтобы собрать в боевой кулак наши силы и дать отпор врагу, честно выполнить свой солдатский долг. Однако, вспоминая минувшее, я могу теперь сказать, что в директиве Генерального штаба не был предусмотрен вариант действий корпуса на тот случай, если война застанет его в стадии формирования, без боевой техники и транспорта. А об этом не следовало забывать. Директива имела в виду полнокровное механизированное соединение, обеспеченное всем для выполнения любой боевой задачи.

Мы были вынуждены с первого же дня вносить необходимые поправки. Жизнь заставляла! Основная масса войск корпуса – по существу, пехота, лишенная конского тягла, – совершила в первый день 50-километровый переход. Для меня это до сих пор – пример выносливости и самоотверженности советского солдата. Но люди совсем выбились из сил. Я видел их в конце этого марша. Пехота вынуждена была нести на себе помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-мм минометы и боеприпасы к ним. И в какую жару...

Пришлось сократить переходы до 30–35 км. Ночью вместе с Новиковым и Черняевым обдумали итоги первого дня и сделали выводы. Дали нашим так называемым танковым дивизиям новый порядок движения. В первом эшелоне – танки с пехотным десантом и частью артиллерии. Этот эшелон двигался скачкообразно, от рубежа к рубежу, отрываясь от пехоты и поджидая ее. Основная масса войск и артиллерии следовала вторым эшелоном в обычном, предусмотренном для пехоты порядке.

Моторизованная дивизия, имея машины, к исходу 22 июня достигла района Ровно, где и остановилась на привал, совершив 100-километровый переход. К этому времени связь штаба корпуса со всеми соединениями была устойчивой, и положение не вызывало беспокойства.

Утром 23 июня полковник Калинин прислал донесение. Командарм М.И. Потапов временно подчинил его дивизию себе и поставил задачу: выйти на реку Стирь, занять к исходу дня оборону по восточному берегу этой реки на участке Жидичи, Луцк, Млынов и не допустить прорыва немцев на восток. Сделано это было через голову командира корпуса.

Из донесения и из других источников смутно вырисовывалась картина событий на луцком направлении. Во всяком случае, стало очевидным, что противнику удалось прорваться через границу и значительно продвинуться вглубь.

Не изменяя походного порядка, главные силы корпуса продолжали 23 июня движение по намеченным маршрутам, усилив разведку на флангах.

Поскольку Калинин был впереди, мы решили выдвинуть на направление 35-й танковой дивизии наш КП. Маслов выслал вперед взвод саперов на машинах, и мы поехали с намерением по пути проследить переправу частей генерала Новикова через реку Горынь южнее Ровно.

Паром не мог обеспечить по времени переправу дивизии. Внесли поправку, распорядившись использовать мост у местечка Гоша. Затем наш штаб двинулся далее. На всякий случай я взял с собой батарею 85-мм пушек.

К концу дня из рощи, находившейся километрах в трех восточнее Здолбунова, навстречу нам выдвинулись пять немецких танков и три автомашины с пехотой. Штаб подготовился к бою. Батарея развернулась, получив распоряжение открыть огонь прямой наводкой. Немцы, увидев это, не приняли боя и быстро ретировались в лес.

КП пришлось оборудовать несколько севернее.

Положение требовало выяснить обстановку и в зависимости от этого начать действовать, дав войскам возможность хоть немного отдохнуть и привести себя в порядок после форсированных переходов.

Где-то впереди или в стороне от нас должны были находиться части 19-го и 22-го мехкорпусов генералов Н.В. Фекленко и С.М. Кондрусева. Разведгруппы, возглавляемые командирами из штаба корпуса, отправились на поиски. С одной из них на своем неизменном мотоцикле выехал начальник штаба корпуса. В результате мы установили, что Кондрусев выступил в направлении Ковеля и передовыми частями уже ведет бой севернее Луцка. Корпус Фекленко движется на Дубно.

Маслов, вернувшись, доложил, что ему удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта генералом М.А. Пуркаевым. Тот успел передать, что корпус переходит в подчинение 5-й армии и нам следует сосредоточиться в районе Клевани, Олыка.

Наши части шли вперед. Навстречу по шоссе Луцк – Ровно двигались на восток беспорядочные толпы людей. Над шоссе часто появлялись немецкие самолеты. Они бомбили войска и беженцев.

24 июня 9-й мехкорпус вышел в район сосредоточения и вступил в бой.

131-я мотодивизия, отбросив за Стырь форсировавшие ее передовые части противника, вела бой на рубеже Луцк и южнее, отражая попытки немцев снова переправиться на восточный берег.

35-я танковая дивизия вела бой юго-западнее Клевани, имея перед собой части 13-й немецкой танковой дивизии.

20-я танковая дивизия на рассвете 24-го головным полком с ходу атаковала располагавшиеся на привале в районе Олыка моторизованные части 13-й танковой дивизии немцев, нанесла им большой урон, захватила пленных и много трофеев. Уже в тот день полковник Черняев показал, что обладает качествами настоящего командира. Закрепившись, его дивизия весь день успешно отбивала атаки подходивших танковых частей противника.

КП корпуса расположился в районе Клевани. На следующий день та же картина – упорные оборонительные бои на рубеже Луцк, Олыка, южнее Клевани с танками и мотопехотой двух немецких дивизий (14-й и 13-й). Противник стремился перехватить дорогу Ровно – Луцк и овладеть Луцком. Наши части героически отразили эти попытки. Лишь к вечеру стало затихать. Немцы тогда ночью не наступали. Закатывалось солнце – и они останавливались на отдых.

26 июня по приказу командарма Потапова корпус нанес контрудар в направлении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником.

Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Но посмотрим распоряжение фронта, относящееся к тому периоду: «Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить ее и восстановить положение». Согласовывалось ли оно с обстановкой на участке, о котором идет речь, не говоря уже о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимир-волинском и ровненском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывалось. У меня создавалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба.

Корпуса продолжали тяжелые бои с противником, который все усиливал нажим. Кроме действовавших здесь танковых и моторизованных сил он подтянул и пехотные дивизии.

Связь с соседями то и дело прерывалась. Удалось узнать, что 22-й мехкорпус сам был атакован большими вражескими силами, понес потери и отброшен на северо-восток от Луцка. В самом начале боя был убит генерал Кондрусев, в командование вступил начальник штаба В.С. Тамручи. Сосед слева – 19-й корпус – при попытке начать наступление тоже был атакован противником из района Дубно, отброшен к Ровно, где и вел оборонительный бой.

Вечером к нам на КП пришел очень расстроенный командир танковой дивизии 22-го мехкорпуса с забинтованной рукой. Тон его доклада вынудил меня к довольно резкому разговору:

– Немедленно прекратите разговоры о гибели корпуса! Двадцать второй дерется, я только что говорил с Тамручи. Идите, приступайте к розыску своих частей, присоединяйтесь к ним...

Выехав с группой офицеров штаба на высотку в расположении ведущих бой частей 20-й танковой дивизии, я наблюдал движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны автомашин, танков и артиллерии противника. А с юга к нашему рубежу обороны шли и шли новые колонны гитлеровцев.

Все, что мог сделать командир корпуса, располагая очень небольшим количеством танков, – это опереться на артиллерию. Так я и поступил. Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить один яркий момент этих до невозможности трудных боев.

Был опять получен приказ о контрударе. Однако противник настолько превосходил нас, что я взял на себя ответственность не наносить контрудар, а встретить врага в обороне. В тех лесистых, болотистых местах немцы продвигались только по большим дорогам. Прикрыв дивизией Новикова избранный нами рубеж на шоссе Луцк – Ровно, мы перебросили сюда с левого фланга 20-ю танковую с ее артполком, вооруженным новыми 85-мм орудиями. Начальник штаба организовал, а Черняев быстро и энергично осуществил маневр.

Орудия поставили в кюветах, у шоссе, а часть – прямо на дороге.

Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашин и танки.

Мы видели с НП, как шли на 20-ю танковую внушительные силы врага. И увидели, что с ними стало. Артиллеристы подпустили фашистов поближе и открыли огонь. На шоссе образовалась чудовищная пробка из обломков мотоциклов и бронемашин, трупов гитлеровцев. Но наступавшие вражеские войска продолжали по инерции двигаться вперед, и наши орудия получали все новые цели.

Враг понес тут большие потери и был отброшен. Генерал Новиков, используя удачу Черняева, двинулся вперед и сумел занять нужные нам высоты.

Н.В. Калинин прислал в штаб корпуса важные показания пленного немецкого полковника, который на допросе сказал:

– Артиллерия ваша превосходна, да и дух русского солдата на высоте...

Мы заставили противника довольно долго по тем временам топтаться на месте. Было ясно, что наша «дерзость» не останется безнаказанной. Так оно и случилось. Над нами появились «юнкеры». Самолеты шли волнами и бомбили нас нещадно, но, к счастью, безрезультатно: солдаты были укрыты в лесу, пушки и танки поставлены в окопы.

Мне, как командиру корпуса, больше всего доставляло неприятностей отсутствие информации о положении на фронте. Чувство локтя необходимо не только солдату. Оно – в более широком понимании – необходимо и высшему комсоставу действующих войск. Без этого, хочешь или не хочешь, творческая мысль оказывается связанной.

Всю информацию пришлось добывать самим. Работники штаба во главе с генералом Масловым быстро освоились в той порою, казалось, невыносимой обстановке, в которую мы попали, и смогли обеспечить нас необходимой информацией. Но далось это дорогой ценой: многие штабные офицеры погибли, выполняя задания.

По отдельным сообщениям в какой-то степени удавалось судить о том, что происходит на нашем направлении. Как идут дела на участках других армий Юго-Западного фронта, мы не знали. По-видимому, генерал Потапов был не в лучшем положении. Его штаб за все время, что я командовал 9-м мехкорпусом, ни разу не смог помочь нам в этом отношении. К тому же и связь с ним чаще всего отсутствовала.

Полезные данные были получены при опросе пленных, а их наши дивизии взяли уже несколько сот человек – как солдат, так и офицеров. Среди них был и захваченный артиллеристами Черняева полковник, у которого оказались ценные документы и карты. Они помогли нам лучше представить обстановку.

Картина была неутешительной. Немцам удалось внезапным ударом заранее сосредоточенных крупных сил прорваться на стыке 5-й и 6-й наших армий. В прорыв вошли танковые и моторизованные соединения. Эти войска развивали успех, стремясь быстрее продвинуться на житомирском направлении.

Главный удар противника пришелся южнее нас. Описывая военные события в районе Луцка и гордясь мужеством и умелыми действиями вверенных мне войск, я все же откровенно скажу: трудно представить, как бы мы выглядели, окажись под воздействием вражеских сил на направлении главного удара.

Нам тоже было нелегко. Командир 131-й мотодивизии донес, что пехота и танки противника отбросили его полки, оборонявшиеся на рубеже реки Стырь, и на широком фронте форсировали реку. Напрашивался вывод, что враг наращивает силы и на нашем направлении и готовит здесь более мощный танковый удар.

Дивизии наши поредали. Но бойцы и командиры из необстрелянных стали обстрелянными. Значение этого нельзя недооценивать. Они на личном опыте убедились, что «немцев, как и японцев, бить можно» (это выражение одного танкиста из 35-й танковой дивизии; я поинтересовался – при чем тут японцы? Оказывается, он помнил Халхин-Гол). Словом, люди стали сильнее.

Во время тяжелых боев мы нашли и необычный источник пополнения: в лесах близ Клевани бродило тогда немало бойцов, потерявших свои части. Мы собирали их и направляли в наши пехотные полки. Многие из этих бойцов отлично проявили себя затем в боях...

Немцы бросали против 9-го мехкорпуса все новые силы. Упорные бои продолжались до 29 июня. Противнику не удалось перехватить дорогу Ровно – Луцк на направлении Клевани, не удалось ему и вообще прорвать оборону войск 5-й армии. Правда, он смог вводом дополнительных сил потеснить правый фланг армии на участке Ковель, Луцк и форсировать реку Стырь. Но этим немцы не избавили себя от угрозы со стороны наших войск, то есть 5-й армии и приданных ей мехкорпусов, нависавших с севера над флангом основной немецкой группировки, устремившейся на Житомир. Эта угроза сильно беспокоила вражеское командование. Отсюда – непрерывные атаки, все более мощные, с целью ее ликвидировать.

30 июня для наших войск создались серьезные трудности на житомирско-киевском направлении, вследствие чего 5-я армия начала отход на рубеж старых укрепрайонов. К нашему огорчению, состояние старых УРов не улучшилось. Соединения корпуса, отражая атаки наседавшего противника, отходили от рубежа к рубежу, применяя методы «подвижной обороны».

У Новоград-Волынского корпус, отбив врага, занял оборону по реке Случь, оседлав дорогу на Житомир.

Немецкие танковые и моторизованные соединения были оснащены техникой, которая превосходила по своим качествам наши устаревшие машины Т-26 и БТ.

После форсированных переходов и десятидневных боев у нас и этих устаревших танков оставались единицы (насколько мне известно, не лучше было и в 19-м и в 22-м мехкорпусах). Несмотря на столь плачевное положение с материальной частью и понесенные в боях потери, корпус продолжал упорно сражаться.

Командиры дивизий полковник Н.В. Калинин, генерал Н.А. Новиков и полковник В.М. Черняев оказались на высоте в этих первых боях. В обстановке исключительно сложной они с честью справились со своими трудными обязанностями. Сказались глубокие знания, творческая инициатива, решительность, умение, не колеблясь, брать на себя ответственность, когда этого требовала резко меняющаяся обстановка. Командиру корпуса было легко работать с такими замечательными офицерами, хотя слово «легко» кажется неподходящим для тех дней.

Помнится, когда еще корпус дрался в районе Клевани и помешал немцам перерезать шоссе, удалось как-то собраться накоротке. Впервые после начала войны встретились все вместе – командование корпуса и командиры дивизий. Дружеские объятия. Расцеловались. Живы. И воюем. К сожалению, с некоторыми из моих славных соратников по 9-му мехкорпусу эта встреча была последней. Вскоре после боев под Клеванью мы потеряли прекрасного офицера полковника В.М. Черняева. Он был тяжело ранен. И хотя нам удалось эвакуировать его в харьковский госпиталь, Черняев скончался там от гангрены. Боевые друзья хранят о нем светлую память.

Ни огромное превосходство противника в танках, ни широкое использование им авиации, которая беспрепятственно бомбила наши боевые порядки, особенно там, где враг наносил удар, не сломили упорства корпуса. Гитлеровцы не смогли разгромить нас. Им удалось лишь потеснить наши войска, да и то ценой огромных потерь.

Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества танков, комбинируя их действия, мы стремились нанести противнику как можно больший урон. И это нам удалось на протяжении всех боев под Луцком и под Новоград-Волынским. За отличия в этих боях все командиры дивизий 9-го мехкорпуса, многие командиры полков и другие командиры и политработники были отмечены правительственными наградами. Получил орден и наш неутомимый начальник штаба. Я был также награжден четвертым орденом Красного Знамени.

В разгар боев под Новоград-Волынским, где немцы пытались отбросить наш корпус на северо-восток, обеспечивая себе продвижение к Киеву, пришло распоряжение Ставки. Меня назначали командующим армией на Западный фронт. Было приказано немедленно прибыть в Москву.

Сдав командование генералу А.Г. Маслову, 14 июля на машине отправился в Киев. Приехал туда поздним вечером. Крещатик, обычно в эти часы заполненный народом, был пуст, молчалив и погружен в темноту.

На восточном берегу Днепра, в Броварах, разыскал КП фронта. Остаток ночи провел в штабе, договорившись утром вылететь самолетом в Москву.

Утром представился командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Он был заметно подавлен, хотя и старался сохранить внешнее спокойствие. Я считал своим долгом информировать командующего о том, какова обстановка в полосе 5-й армии.

Он слушал рассеянно. Мне пришлось несколько раз прерывать доклад, когда генерал по телефону отдавал штабу распоряжения. Речь шла о «решительных контрударах» силами то одной, то двух дивизий. Я заметил, что он не спрашивал при этом, могут ли эти дивизии контратаковать. Создавалось впечатление, что командующий не хочет взглянуть в лицо фактам.

А немцы раскалывали войска Юго-Западного фронта в центре, стремительно продвигаясь к Киеву. Появилась угроза окружения 6, 26 и 12-й армий.

15 июля я покинул Киев, получив предварительно сведения, что на Западном фронте тоже неблагополучно – немцы подходят к Смоленску.

По дороге в Москву невольно снова и снова перебирал в памяти все, что пришлось увидеть и пережить накануне и в первые недели войны. Мне уже тогда стали известны многочисленные примеры невиданной стойкости наших солдат. Подлинный героизм проявили гарнизоны Бреста, Либавы. С беззаветной храбростью дрались многие наши части и соединения. И все же было ясно, что приграничное сражение нами проиграно. Остановить врага теперь можно будет не подбрасыванием разрозненных частей и соединений к расшатанному фронту, а созданием где-то в глубине нашей территории сильной группировки, способной не только противостоять мощной военной машине противника, но и нанести ему сокрушительный удар.

На первый план выдвигалась задача задержать, остановить врага. Это был вопрос жизни или смерти для всей страны.

В разгаре было Смоленское оборонительное сражение, и мне выпала честь стать его участником на завершающем этапе.

* * *

26 июня я выехал с группой офицеров штаба на одну из высот в расположение ведущих бой частей 20-й танковой дивизии. Отсюда наблюдали движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны машин, танков и артиллерии противника. Одновременно с ней с юга в направлении действий наших 20 и 35 тд подходили танковые, моторизованные и пехотные части с артиллерией. Не менее тревожное сообщение поступило от командира 131 мд. Он доносил, что противник (пехота с танками) отбросил части дивизии, оборонявшиеся на рубеже реки Стирь, и на широком фронте форсировал реку. Следовательно, на направлении, где действовал наш корпус, можно было ожидать удара более крупными силами.

Нужно заметить, что к этому времени, о котором упоминаю, с информацией войск о положении на фронте дело обстояло из рук вон плохо. Информацию приходилось добывать самим. И если о событиях на нашем направлении удавалось более-менее узнавать и догадываться, то о происшедшем или происходящем на участке других армий Юго-Западного фронта мы ничего не знали. По-видимому, и штаб 5-й армии тоже ничего не знал, ибо он нас не информировал. Связь корпуса со штабом 5-й армии чаще всего отсутствовала, а с соседями периодически прекращалась.

Нам стало известно, что 22 мк атакован противником, понес большие потери и отброшен на северо-восток от Луцка. Сосед слева, 19 мк, при попытке перейти в наступление тоже атакован противником и, понеся большие потери, отброшен к Ровно, где продолжает вести бой.

К вечеру 25 июня на КП нашего корпуса в районе Клевани прибыл пешком командир танковой дивизии 22 мк, насколько мне память не изменяет, генерал-майор Семенченко в весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщил, что его дивизия полностью разбита. Ему же удалось вырваться, но, отстреливаясь из револьвера, он был настигнут немецким танком. Сумел увернуться, упал, при этом его рука попала под гусеницу танка.

Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что их корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посочетовать им немед-

ленно прекратить разглагольствования о гибели корпуса, приступить к розыску своих частей и присоединиться к ним.

А накануне в районе той же Клевани мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло.

Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26 июня. Приказание было выполнено. В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса.

В разгар боев под Новоград-Волынским и юго-восточнее его мною было получено распоряжение Ставки о назначении меня командующим армией Западного фронта и о немедленном прибытии в Москву.

14 июля я отправился на машине в Киев.

В город прибыл ночью и поразился безлюдью и царившей в нем зловещей тишине.

Крещатик, обычно в это время кишевший народом, оглашавшийся громкими разговорами, шумом, смехом и сияющий огнями витрин, был пуст, молчалив и погружен в темноту. Ни одной живой души не видно на улицах. Остановив машину для того, чтобы узнать, где можно найти штаб фронта, я закурил папиросу. И тут же из мрака на меня обрушилось: «Гаси огонь!..», «Что, жизнь тебе надоела?..», «Немедленно гаси!..». Раздались и другие слова, уже покрепче. Это, должен сознаться, меня сильно удивило. Уж очень истерические были голоса. Это походило уже не на разумную осторожность, а на признаки панического страха. Что ж, пришлось покориться и быстро потушить папиросу.

КП фронта оказался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Остаток ночи я провел в штабе фронта, а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: «Что же делает ПВО?.. Самолеты летают, и никто их не сбивает... Безобразие!» Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы. Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности и горе войскам, ему вверенным. С таким настроением я покинул штаб Юго-Западного фронта, направляясь в Москву. Предварительно узнал о том, что на Западном фронте сложилась тоже весьма тяжелая обстановка: немцы подходят к Смоленску. Зная командующего Западным фронтом генерала Д.Г. Павлова еще задолго до начала войны (в 1930 году он был командиром полка в дивизии, которой я командовал), мог заранее сделать вывод, что он пара Кирпоносу, если даже не слабее его.

В дороге невольно стал думать о том, что же произошло, что мы потерпели такое тяжелое поражение в начальный период войны.

Конечно, можно было предположить, что противник, упредивший нас в сосредоточении и развертывании у границ своих главных сил, потеснит на какое-то расстояние наши войска прикрытия. Но где-то, в глубине, по реальным расчетам Генерального штаба, должны успеть развернуться наши главные силы. Им надлежало организованно встретить врага и нанести ему контрудар. Почему же этого не произошло?..

Приходилось слышать и читать во многих трудах военного характера, издаваемых у нас в послеоктябрьский период, острую критику русского генералитета, в том числе и русского Генерального штаба, обвинявшегося в тупоумии, бездарности, самодурстве и пр. Но, вспоминая начало Первой мировой войны и изучая план русского Генерального штаба, составленный до ее начала, я убедился в обратном.

Тот план был составлен именно с учетом всех реальных особенностей, могущих оказать то или иное влияние на сроки готовности, сосредоточения и развертывания главных сил. Им предусматривались сравнительные возможности России и Германии быстро отмотобилизоваться и сосредоточить на границе свои главные силы. Из этого исходили при определении рубежа развертывания и его удаления от границы. В соответствии с этим определялись также силы и состав войск прикрытия развертывания. По тем временам рубежом развертывания являлся преимущественно рубеж приграничных крепостей. Вот такой план мне был понятен.

Какой же план разработал и представил правительству наш Генеральный штаб? Да и имелся ли он вообще?..

Мне остро захотелось узнать, где намечался рубеж развертывания. Предположим, что раньше он совпадал с рубежом наших УРов, отнесенных на соответствующее расстояние от старой границы. Это было реально. Но мог ли этот рубеж сохранить свое назначение и в 1941 году? Да, мог, поскольку соседом стала фашистская Германия. Она уже вела захватническую войну, имея полностью отмотобилизованными свои вооруженные силы.

Кроме того, необходимость заставляла учитывать такой важный фактор, как оснащение вооруженных сил новой техникой и вообще новыми средствами, чего не было в прежних армиях. Ведь он обусловил и новый характер ведения войны. К примеру, значительно увеличилась подвижность, а стало быть, и маневренность войск на театре военных действий.

Не прибегая к мобилизации, мы обязаны были сохранять и усиливать, а не разрушать наши УРы по старой границе. Неуместной, думаю, явилась затея строительства новых УРов на самой границе на глазах у немцев. Кроме того что допускалось грубейшее нарушение существующих по этому вопросу инструкций, сама по себе общая обстановка к весне 1941 года подсказывала, что мы не успеем построить эти укрепления. Долгом Генерального штаба было доказать такую очевидность правительству и отстоять свои предложения.

Вспомнилась окружная полевая поездка в июне 1941 года, то есть накануне войны, и беседы со многими товарищами, которые здраво оценивали положение, создавшееся к тому времени. Мы сходились во мнении, что немцы развязали себе руки на Западе, готовы к использованию своего преимущества для нападения на СССР. Но неужели это не чувствовали военные руководители центрального и окружного масштаба? Ну, допустим, Генеральный штаб не успел составить реальный план на начальный период войны в случае нападения фашистской

Германии. Чем же тогда объяснить такую преступную беспечность, допущенную командованием округа (округами пограничными)? Из тех наблюдений, которые я вынес за период службы в КОВО и которые подтвердились в первые дни войны, уже тогда пришел к выводу, что ничего не было сделано местным командованием в пределах его прав и возможностей, чтобы достойно встретить врага.

На мою долю выпала честь всю свою службу в Красной Армии провести в приграничных округах: на Дальнем Востоке, в Забайкалье, в БВО и ЛВО. Это дало мне возможность глубоко изучить задачи, возлагаемые на приграничные войска, а также положения, обязывающие их поддерживать постоянную повышенную боевую готовность, способность в нескольких часов приступить к активным действиям. Соответственно определялась и дислокация войск в мирное время. Кроме того, на период угрожающего положения войска выводились в предусмотренные заблаговременно районы. Все эти вопросы тщательно отрабатывались на военных играх и в полевых поездках в окружном масштабе высшим командным составом. Примерно такая же подготовка велась с командирами в корпусах и дивизиях... Велась, но только не в КОВО. Потому-то войска этого округа с первого же дня войны оказались совершенно неподготовленными к встрече врага. Их дислокация у нашей границы не соответствовала угрозе возможного нападения. Многие ее соединения не имели положенного комплекта боеприпасов и артиллерии, последнюю вывезли на полигоны, расположенные у самой границы, да там и оставили.

То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле этого слова. Потеря связи штаба округа с войсками усугубила тяжелое положение.

Совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа оказалось на высоте положения и предпринимало своевременные соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому еще и собственную инициативу, а также смелость взять на себя ответственность за проведение мероприятий, диктуемых создавшейся у границы обстановкой. А этого сделано не было. Все ожидали указаний свыше.

Могу о том судить хотя бы по содержанию оперативного пакета, который был мною вскрыт в первый день войны. Содержание его подгонялось под механизированный корпус, закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено иметь ему как боевому соединению. А поскольку он находился только в первой, то есть начальной, стадии формирования, то как Генеральным штабом, так и командованием округа должно было быть предусмотрено и его соответствующее место на случай войны. Но в таком состоянии оказался не только 9 мк, но и 19-й, 22-й да другие, кроме 4-го и 8-го, которые начали формироваться значительно раньше и были более-менее способны вступить в бой. Они к тому же имели в своем составе и новые танки Т-34 и КВ.

Сохранение трех упомянутых корпусов (всего таких в КОВО имелось пять) сыграло бы решающую роль в нанесении последующего контрудара совместно с подходившими из глубины страны общевойсковыми армиями. А так они из-за слабого оснащения танками представляли собой плохие пехотные соединения, к тому же не имели и положенного стрелковому соединению вооружения. В то же время задачи ставились исходя из их предназначения, то есть формального названия, а не из возможностей.

Но о чем думали те, кто составлял подобные директивы, вкладывая их в оперативные пакеты и сохраняя за семью замками? Ведь их распоряжения были явно нереальными. Зная об этом, они все же их отдавали, преследуя, уверен, цель оправдать себя в будущем, ссылаясь на то, что приказ для «решительных» действий таким-то войскам (соединениям) ими был отдан. Их не беспокоило, что такой приказ – посылка мехкорпусов на истребление. Погибали в неравном бою хорошие танкистские кадры, самоотверженно исполняя в боях роль пехоты.

Даже тогда, когда совершенно ясно были установлены направления главных ударов, наносимых германскими войсками, а также их группировка и силы, командование округа оказалось неспособным взять на себя ответственность и принять кардинальное решение для спасения положения, сохранить от полного разгрома большую часть войск, оттянув их в старый укрепленный район.

Уж если этого не сделал своевременно Генеральный штаб, то командование округа обязано было это сделать, находясь непосредственно там, где разворачивались эти трагические события.

Роль командования округа свелась к тому, что оно слепо выполняло устаревшие и не соответствующие сложившейся на фронте и быстро менявшейся обстановке директивы Генерального штаба и Ставки. Оно последовательно, нервно и безответственно, а главное, без пользы пыталось наложить на бреши от ударов главной группировки врага непрочные «пластыри», то есть неподготовленные соединения и части. Между тем заранее знало, что такими «пластырями» остановить противника нельзя: не позволяли ни время, ни обстановка, ни собственные возможности. Организацию подобных мероприятий можно было наладить где-то в глубине территории, собрав соответствующие для проведения этих мероприятий силы. А такими силами округ обладал, но они вводились в действие и истреблялись по частям.

Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М.П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары организованно наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной-две дивизии. К чему это приводило? Ответ может быть один – к истреблению наших сил по частям, что было на руку только противнику.

Вспоминая в дороге все, что мне пришлось видеть, ощущать и узнать в первые недели войны, я никак не мог разобраться, что же происходит.

Ведь элементарные правила тактики, оперативного искусства, не касаясь уже стратегии, гласят о том, что, проиграв сражение или битву, войска должны стремиться к тому, чтобы, прикрываясь частью сил, оторваться основными силами от противника, не допустив их полного разгрома. Затем с подходом из глубины свежих соединений и частей организовать надежную оборону и в последующем нанести поражение врагу.

На Ярцевских высотах

Итак, несколько часов в Москве. Ставка. Здесь мне было сказано, что на смоленском направлении «образовалась пустота» в результате высадки противником крупного воздушного десанта под Ярцево. Задача: прикрыть это направление и не допустить продвижения немцев в сторону Вязьмы.

Узнал я, что Ставка и командование Западного фронта, учитывая значение днепровского рубежа, спланировали создать в районе Ярцева сильную подвижную группу в составе двух-трех танковых и одной стрелковой дивизий. Предполагалось, что ее активные наступательные действия, поддержанные частями 16-й и 20-й армий, смогут привести к резкому улучшению оперативной обстановки и позволят удержать Смоленск. Вот меня и ставили во главе этой группы. На вопрос, какие и откуда будут выделены войска в мое распоряжение, мне назвали несколько дивизий и полков и разрешили подчинять себе все, что встретим по дороге от Москвы до Ярцева.

Более конкретные указания мне следовало получить у командующего фронтом.

Генеральный штаб выделил в мое распоряжение две автомашины со счетверенными зенитными пулеметными установками и расчетами при них, радиостанцию и небольшую группу командиров.

К вечеру того же дня новое «соединение» прибыло на фронт.

Командный пункт маршала С.К. Тимошенко располагался в Касне. Пошел представиться и уточнить задачу. Маршал встретил приветливо, познакомил меня с членом Военного совета фронта Н.А. Булганиным и начальником политуправления Д.А. Лестевым.

У командования фронта сложилось определенное мнение: центральная группа армий противника, продолжая наступление, использует крупные танковые и моторизованные соединения; они на некоторых участках прорвали фронт и стремятся в глубину, чтобы окружить и уничтожить наши войска под Смоленском. Полагая, что силы Красной Армии уже достаточно ослаблены и не смогут оказать серьезного сопротивления на московском стратегическом направлении, гитлеровское командование решило одним ударом преодолеть здесь последнюю преграду. 2-я и 3-я танковые группы противника, не дожидаясь подхода 9-й и 2-й полевых армий, должны были рассечь на нескольких направлениях войска нашего Западного фронта, окружить и уничтожить их главные силы в районе Смоленска и открыть себе дорогу на Москву.

В соответствии с этим и организовывалась борьба наших немногочисленных сил.

В первом оперативном эшелоне на смоленском и витебском направлениях действовали 20-я армия генерала П.А. Курочкина и 19-я армия генерала И.С. Конева.

Курочкину, по словам командующего фронтом, было крайне тяжело. Его войска уже долго вели оборонительные бои с врагом, намного превосходившим их и в людях и в технике. 20-ю армию время от времени удавалось подкреплять за счет прибывавших частей 16-й армии, в частности, так был введен в бой – и тоже разрозненно – 5-й мехкорпус И.П. Алексеенко.

Конев со своими соединениями по мере их выгрузки пытался овладеть Витебском, куда уже ворвался враг, но безуспешно. Массированные удары немецкой авиации по атакующим частям срывали все эти попытки, вынуждали к отходу.

М.Ф. Лукин пока еще держал Смоленск, и, видимо, С.К. Тимошенко был уверен в его непоколебимости, хотя у командующего 16-й армией к этому времени осталось всего две стрелковые дивизии. Но это были прекрасные соединения – кадровые забайкальские дивизии, закалку и традиции которых трудно переоценить. Мне запомнились слова, услышанные в штабе фронта: «Лукин сидит в мешке и уходить не собирается». Горловину мешка в районе соловьевской и ратчиновой переправ через Днепр немцы всячески пытались перехватить. Там действовал сводный отряд полковника А.И. Лизюкова, которому ввиду важности дела коман-

дующий фронтом лично поставил задачу обеспечить пути подвоза всего необходимого борющимся под Смоленском войскам, а в случае надобности – и пути их отхода.

– Лизюков – надежный командир, – сказал маршал. – Недавно я посылал Льва Доватора проверить, как там у него дела. Он вернулся в восторге, даже предложил отметить Лизюкова наградой, а я Доватору верю...

Здесь я впервые услышал о Л.М. Доваторе, который в то время состоял в резервной группе офицеров при командующем фронтом. Вскоре он получил кавалерийский корпус, и отсюда начался славный боевой путь этого генерала в Великой Отечественной войне.

В штабе фронта я ознакомился с данными на 17 июля. Работники штаба не очень-то были уверены, что их материалы точно соответствуют действительности, поскольку с некоторыми армиями, в частности с 19-й и 22-й, не было связи. Поступили сведения о появлении в районе Ельни каких-то крупных танковых частей противника. Данные о высадке воздушного десанта в Ярцево имелись, но они еще не были проверены.

Ночью я выехал в Ярцево. На прощание командующий фронтом сказал:

– Подойдут регулярные подкрепления – дадим тебе две-три дивизий, а пока подчиняй себе любые части и соединения для организации противодействия врагу на ярцевском рубеже.

Мы и стали это делать сразу, собирая на пути в Ярцево всех, кто мог быть полезен для борьбы.

В короткое время собрали порядочное количество людей. Были здесь пехотинцы, артиллеристы, связисты, саперы, пулеметчики, минометчики, медицинские работники... В нашем распоряжении оказалось немало грузовиков. Они нам оченьгодились.

Так началось в процессе боев формирование в районе Ярцева соединения, получившего официальное название «группа генерала Рокоссовского».

Для управления был буквально на ходу сформирован штаб из пятнадцати – восемнадцати офицеров. Десять из них окончили Академию имени М.В. Фрунзе и находились в распоряжении отдела кадров Западного фронта. Я заметил, что они с охотой приняли назначение. Какой офицер – если это настоящий офицер! – не стремится в трудные моменты в войска, чтобы именно там применить свои способности и знания! В числе этих товарищей был подполковник Сергей Павлович Тарасов. Он стал начальником нашего импровизированного штаба, он же возглавил и оперативный отдел. Как говорят, «и швец, и жнец...». Сухощавый, выносливый, со спортивной закалкой, не раз выручавшей его в горячие минуты боя, подполковник в самой сложной ситуации мог сохранять ясность мысли. Руководителю штаба все-таки нужно немного тишины. А наш штаб работал под огнем, находясь там, где создавалось наиболее угрожаемое положение. Казалось, никаких условий для штабной работы!..

Условий не было. А штаб все-таки был – штаб на колесах: восемь легковых автомобилей, радиостанция и два грузовика со счетверенными зенитными пулеметными установками. Прибыв под Ярцево, штаб быстро сориентировался в обстановке, установил связь с частями, оказавшимися в этом районе, и приступил к организации обороны. Бывало, подполковник срывался:

– Все шиворот-навыворот, черт знает, зачем нас учили!.. Обычно даешь связь сверху вниз, а тут едешь и кланчишь в частях: дайте конец на КП командующего...

Скудость средств вынуждала нас протягивать провода почти по переднему краю вдоль фронта. Отсюда частые порывы. Выручали нас «офицеры на колесах». Да, живая связь тогда решала почти все, особенно в первые десять дней.

К достоинствам офицеров управления отнесу глубокое понимание важности возложенной на них задачи, смелость, доходившую до самопожертвования, а также способность быстро разбираться в запутанной обстановке и проявлять инициативу. Не раз я в мыслях добром помнил Академию имени Фрунзе, подготовившую этих товарищей.

И самому командующему группой войск тоже приходилось работать у переднего края, переезжая с одного участка на другой.

Первым соединением, которое мы встретили восточнее Ярцева, оказалась 38-я стрелковая дивизия полковника М.Г. Кириллова. Он был уже в возрасте и опытен. Дивизия эта принадлежала 19-й армии, воевала и потеряла при отходе связь со штабм. Кириллов, почувствовав неожиданный нажим немцев у Ярцева, занял, как мог, оборону. Поскольку мне еще в Касне стало известно, что связи с И.С. Коневым нет, я использовал 38-ю дивизию для отпора противнику непосредственно у Ярцева, которое было уже в руках врага.

Командир дивизии обрадовался, что он наконец-то не один. Мы пополнили его полки собранными в дороге людьми. Нужно сказать, что такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево и по восточному берегу реки Вопь находятся части, оказывающие сопротивление немцам, люди уже сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или же группами во главе с командным составом.

Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией врага, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможности объединиться. Они хотели воевать. Именно это и позволило нам преуспеть в своих организаторских усилиях по сколачиванию подвижной группы.

Вскоре у нас появилось новое соединение – 101-я танковая дивизия полковника Г.М. Михайлова. Людей в ней недоставало, танков она имела штук восемьдесят старых, со слабой броней, и семь тяжелых, нового образца. Во всяком случае, для нас это была большая поддержка.

Сам командир дивизии был храбрым офицером. Он заслужил на Халхин-Голе звание Героя Советского Союза. Беда его была в том, что привык действовать мелкими подразделениями. Так поступал он и теперь, в новых условиях, терпел неудачи, нес неоправданные потери. Это его раздражало. А раздражение – плохой советчик командиру любого ранга.

18 или 19 июля мы с Тарасовым заскочили на НП к Кириллову, который вел упорный бой с вражеской пехотой. Потом здесь немного затихло. На легковой машине к нам подъехали несколько командиров, и вдруг среди них я увидел знакомое – и дорогое – лицо.

– Камера!.. Иван Павлович, тебя ли вижу?..

На самом деле это был он, мой старый сослуживец времен конфликта на КВЖД, когда я водил в бои 5-ю отдельную Кубанскую кавбригаду, а он командовал в ней артдивизионом.

Замечательный командир-артиллерист, стойкий большевик (в Гражданскую войну был комиссаром!) и чудесный товарищ.

Встреча оказалась как нельзя ко времени. Узнав, что Камера является начальником артиллерии 19-й армии и потерял связь с этой армией, я предложил ему возглавить артиллерию нашей группы и помочь нам бить наседавшего врага. Иван Павлович охотно согласился и энергично взялся за дело. Я с облегчением вздохнул. Под Ярцево, как это было и в боях в районе Луцка, рассчитывать приходилось прежде всего на артиллерию – перед нами опять появились вражеские танки.

Обстановка на этом рубеже оказалась более серьезной, чем предполагали в штабе Западного фронта. Первый же бой помог установить, что в районе Ярцева находится не только выброшенный немцами десант, но и более внушительные силы. Обойдя Смоленск с севера, сюда провалилась 7-я танковая дивизия. Разведка и показания пленных засвидетельствовали, что начали прибывать моторизованные части из танковой группы врага, действовавшей на смоленском направлении.

Ярцево, как я уже писал, было захвачено противником. Форсировав Вопь, он овладел плацдармом на восточном берегу реки и старался – пока осторожно – продвинуться по шоссе

в сторону Вязьмы. Одновременно мы зафиксировали его активность в южном направлении, то есть в направлении переправ в тылу 16-й и 20-й армий.

Разобравшись в обстановке, я тогда примерно так представил себе намерения противника: сомкнуть кольцо окружения вокруг наших войск, воюющих в районе Смоленска, – сделать это противник намеревался на рубеже реки Вопь и южнее по Днепру, – а затем обеспечить себе условия для прорыва по автостраде к Москве.

На долю двух наших дивизий и выпала тяжелая задача сорвать эти намерения противостоявших нам вражеских сил.

Наша оборона по необходимости носила линейный характер. Второго эшелона не было. В качестве резерва я мог использовать два полка 101-й танковой дивизии, расположенные несколько уступом влево. Мотострелковый полк этой дивизии оборонял справа Дуброво, слева – Городок, Лаги; на его участке был поставлен противотанковый артиллерийский полк. Уступом вправо юго-западнее Замощья располагался 240-й гаубичный полк. Таким образом, автострада и железная дорога были надежно обеспечены в противотанковом отношении. А это немало!.. 38-я стрелковая дивизия оборонялась восточнее Ярцева по берегу реки Вопь. Танковые полки 101-й танковой дивизии занимали выгодное положение для контратаки в случае прорыва немцев вдоль автострады.

Обо всем этом мной и было донесено командующему фронтом. Я, между прочим, доложил, что прибывающие на ярцевский рубеж по распоряжению фронта дивизии крайне малочисленны. В одной оказалось 260 человек, в другой и того меньше.

Огромным усилием всех офицеров, представлявших собою управление группы наших войск, в процессе непрерывных боев удалось в короткий срок организовать вначале сопротивление врагу, не допуская его продвижения на восток. А затем мы начали переходить в наступление, нанося немцам удары то на одном, то на другом участке и нередко добиваясь успеха. Правда, успехи по масштабам носили тактический характер. Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага. Тогда это многое значило.

Кроме того, наша активность, видимо, озадачила вражеское командование. Оно встретило отпор там, где не ожидало его встретить; увидело, что наши части не только отбиваются, но и наступают (пусть не всегда удачно). Все это создавало у противника преувеличенное представление о наших силах на данном рубеже, и он не воспользовался своим огромным превосходством. Фашистское командование нас «признало», если так можно сказать. Оно подтягивало и подтягивало свои войска в район Ярцева, наносило массированные удары авиацией по переправам и боевым порядкам нашей группы. Возросла мощь вражеского артиллерийского и минометного огня. Нас спасали леса и то, что пехота наша зарылась в землю.

Бои под Ярцево, непрерывные и тяжелые для обеих борющихся сторон, мешали немецким войскам продвигаться к югу. Это был наш вклад в общую борьбу Западного фронта, целью которой являлось задержать врага, нанести ему наибольший урон и в то же время не допустить окружения армий, сражавшихся под Смоленском.

Сводный отряд полковника А.И. Лизюкова, оборонявший переправы на Днепре в тылу 16-й и 20-й армий, некоторое время действовал самостоятельно, а затем по логике событий был подчинен нашей группе войск.

Полковник Александр Ильич Лизюков был прекрасным командиром. Он чувствовал себя уверенно в любой, самой сложной обстановке, среди всех неожиданностей, которые то и дело возникали на том ответственном участке, где пришлось действовать его отряду. Смелость Александра Ильича была безгранична, умение маневрировать малыми силами – на высоте. Был момент, когда немцы перехватили горловину мешка в районе переправ через Днепр. Но это продолжалось всего несколько часов. Подразделения Лизюкова отбросили и уничтожили весь вражеский отряд.

Сам полковник был из танкистов (перед войной служил заместителем командира 37-й танковой дивизии), и отряд его состоял из танкистов – это были остатки танкового и мотострелкового полков, принадлежавших 5-му мехкорпусу, о судьбе которого мне уже пришлось упоминать. У них сохранилось всего пятнадцать танков. Но люди были отборные, кадровые военные, крещенные боем, включая командиров полков Сахно и Шепелюка.

А.И. Лизюков особенно отличал майора Михаила Гордеевича Сахно. Бой роднит, и между ними, как я убедился, была настоящая фронтовая дружба. Командир сводного отряда говорил: «Майор Сахно – вот кто истинный герой обороны соловьевской переправы». (Между прочим, если вы хотите лучше узнать офицера, прислушайтесь к тому, что он говорит о своих подчиненных. Подлинный командир всегда сумеет оценить их вклад в общее дело трудной борьбы с врагом, воздать людям должное.)

Бои на ярцевском рубеже не прекращались в тот период ни днем ни ночью. Выполняя огромной важности задачу, наши части несли значительные потери. При пополнении же дивизий и формировании подразделений и частей мы испытывали большие трудности. На сборный пункт прибывали люди, принадлежавшие раньше к различным частям. Отставшие, потерявшие связь, они выбирались из окружения в одиночку и небольшими группами. Всех этих людей надо было сплотить в единый боевой коллектив. А сделать это было непросто, тем более что времени на это не давалось. Люди узнавали друг друга в бою. В сформированных подразделениях мы не всегда могли создать партийные организации. В этих условиях особая ответственность ложилась на офицеров – от командира взвода до командира дивизии.

От поведения командира зависело очень многое. Он должен был обладать большой силой воли и чувством ответственности, уметь преодолеть боязнь смерти, заставить себя находиться там, где его присутствие необходимо для дела, для поддержания духа войск, даже если по занимаемому положению там ему не следовало бы появляться.

На ярцевском рубеже ценными были именно такие командиры. Им верили солдаты. Они вели за собой людей на выполнение самых тяжелых задач, на подвиг. Под их руководством подразделения и части крепились действительно не по дням, а по часам и дрались с врагом организованно и упорно, было ли то в наступлении, в обороне или при отступлении.

Я не сторонник напускной бравады и рисовки. Эти качества не отвечают правилам поведения командира. Ему должны быть присущи истинная храбрость и трезвый расчет, а иногда и нечто большее.

В первые дни боев восточнее Ярцева наш НП находился на опушке леса. Примерно в километре от опушки располагалась в обороне стрелковая часть. Противник вел редкий артиллерийский огонь. Мы с генералом Камерой решили посмотреть, как окопалась пехота, и пошли к ней. Тут-то и развернулись события.

На наших глазах из-за гребня высот, удаленных километра на два, стали появляться густые цепи немецких солдат. Они шли в нашу сторону. Вслед за ними показалось до десятка танков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.